

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ЧУЖОЙ БОЛИ НЕ БЫВАЕТ

Имя артиста театра и кино Георгия Ивановича Буркова достаточно известно, в особом представлении читателям он не нуждается. Стоит лишь вспомнить его героев — тихого жулика, выдающего себя за «конструктора» («Печки-лабочки»), или преследующего жулика незадачливого стража закона («Старик-разбойник») — и уже не можешь сдержать улыбку. Словом, в свое время за Бурковым прочно закрепились амплуа комического недотепы. Но вот несколько лет назад артист сыграл главную роль в картине творческого объединения «Экран» «Профессия — следователь». В роли следователя Бориса Ивановича Антонова мы увидели нового Буркова. Потом был спектакль Московского театра им. А. Пушкина «Иван и Мадонна» по пьесе А. Кудряцева. В роли Ивана Климова Бурков опять предстал в новом для себя амплуа. Журналист Татьяна Михнева встретила с Георгием Ивановичем и попросила его рассказать о своем творческом пути, планах на будущее.

А Лидия Владимировна говорила примерно так: «Неплохо, конечно, но Качалов это делал лучше». Чувствуете разницу? Мне вообще кажется, что людям творческих профессий (да, наверное, и не только творческих) очень важно брать за точку отсчета не посредственность, а гения. Тогда твой собственный масштаб уменьшается, но пользу это приносит большую.

Когда я начал сниматься в кино, то стал играть своих героев немножко простоватыми, чуждыми. Вот так и получилось, что чудики пошли один за другим. И я попал в какой-то капкан. Впервые четко понял это после кинофильма «Человек, которому везло». Прочитав сценарий, я сразу решил: роль геолога Ишутина, конечно же, моя. Мягкий и добрый человек и земле какой-то родной — тихо живет и тихо умирает. Зрители, помня мои предыдущие работы, наверняка ждали, когда же, наконец, будет смешно. Этого не произошло... и меня не заметили. Наверное, действительно одно время я как-то очень увлекся комедийной краской — сам себя ограничил и зрителя приучил воспринимать себя весьма определенно. Поэтому решил бороться за зрителя. В это время мне и предложили роль следователя Антонова.

Уже через несколько минут общения с Георгием Ивановичем понимаешь, сколько в нем этой искренней доброты, доброжелательности, обяза-

ния. Кстати, Василий Шукшин однажды сказал: «Чем больше я наблюдаю за Бурковым, тем вернее знаю: его главная черта — доброта». И еще: «В Буркове очень много от народных мастеров-умельцев». Даже склад речи особый — обстоятельный, плавный, но чуть-чуть лукавый, с какой-то запрятанной смешинкой. Что же это такое: доброта!

— Мой отец был очень мягким человеком. Наверное, эта черта и мне перешла. Но иногда считают, что доброта и мягкость сродни беспринципности, я против такой доброты. Быть добрым — значит любить людей, предполагать в них наличие совести. Вы мне говорите, мол, я добрый, но есть вещи, которые я ненавижу: хамство, например.

Плотник Иван Климов — человек простой, громких слов не произносящий. Но с первого же появления на сцене мы ощущаем значительность этого человека. Эта значительность отличает и следователя Антонова. Следователя ни на Мегрэ, ни на Шерлока Холмса не похожего. Эта простота, обычность следователя одним понравилась, других возмутила. Знакомый юрист долго рассказывал мне, что такой следователь никогда не раскрыл бы ни одного преступления.

— Спросите любого человека на улице: «Как сыграть следователя?». Всякий вам расскажет. Все знают. Примут задумчивую позу, закурят сигарету — готово!

Искусство начинается там, где кончается штамп. Профессия актера состоит не в том, чтобы сыграть следователя Антонова, а в том, чтобы попытаться понять человека — Бориса Ивановича Антонова. Он вырос из моего отца, из людей его поколения. Для меня было важно сыграть человека, который не со стороны вторгся в нашу жизнь, не судьей пришел, а живет вместе с нами в одном доме, он вместе с нами разбирается, как сделать так, чтобы жить стало лучше, чище.

И мне кажется, зрителям мой герой оказался близок. Сужу по письмам, которые ко мне приходили. Люди ничего не просили, в сущности, ни о чем не спрашивали. Как в вагоне поезда — рассказывали какие-то истории из своей жизни. Просто так рассказывали. Запомнилось письмо одной женщины из заключения: «Жаль, что у меня был следователь не такой, как ваш Антонов. Уж Антонову я бы все рассказала».

— Довелось как-то прочитать в газете письмо юриста, что в детективах встречаются неточности и нарушения в правилах ведения следствия. А фильм «Профессия — следователь» — случай особый. Здесь нет ни одной ошибки. Автор письма благодарит консультантов фильма, не зная, что и вы, Георгий Иванович, тоже отчасти его коллега.

— Ну, коллега — это некоторое преувеличение, хотя, действительно, как ни странно, на юриста я учился больше, чем на актера. Годы учебы на юрфаке Пермского университета не прошли даром, ибо какой бы тайной ни было актерское ремесло, оно невозможно без знания природы

человека, понимания мотивов его поступков. На юрфаке я сам составил для себя программу, куда помимо обязательных дисциплин входило ежедневное чтение русской классики. У меня даже было такое правило: переписывать в день по три страницы — и до сих пор храню переписанное еще в те годы собрание сочинений Пушкина. Тогда же, переписывая, я понял и волшебство слова Лескова, поразился его удивительно глубокому и, я бы даже сказал, бесстрашному знанию человека.

— Георгий Иванович, вы пришли в театр заниматься режиссурой. Эта мечта еще сохранилась!

— Надеюсь, что да. В театре я хочу поставить повесть-сказку Шукшина «До третьих петухов» — выполнить свой духовный долг перед ним. Он ведь написал ее специально для моего режиссерского дебюта. Однако мой путь в режиссеры оказался столь же долгим, как и в актеры. Хочется еще и сыграть роли людей, подобных Климову и Антонову, таких, для которых не бывает чужой боли. А вообще-то я везде запаздываю. Думал, не выйдет из меня актера — решил стать режиссером. Потом показалось: ну, немного побуду лицедеем — и вот до сих пор задержался. Теперь тянет писать — наверное, самое время заняться режиссурой.

Георгий Бурков приучил нас ждать от своих героев открытий. Для него профессия актера — не демонстрация, а исследование. Характеров, судеб и ситуаций. Исследование, в котором он каждый раз приглашает принять участие и нас, зрителей.

— «Артистическая» карьера моя начиналась в Пермском госпитале, где я мальчишкой выступал перед ранеными в годы войны. Поразительное было чувство, что этим дядям, много пережившим и испытывавшим, хорошо от того, что я к ним пришел. Они смеются, хлопают. И вроде так получается, что я им нужен. Я рос в рабочей семье. Был единственным ребенком, меня очень любили родители. Василий Махарович Шукшин правильно говорил: «Мы — дети любви». Может быть, желание стать актером возникло отчасти из-за стремления поделить эту любовь?

Георгий Бурков на актера не похож. Это не я первая заметила. Это заметили еще те преподаватели, которые упорно не хотели принимать его ни в какой театральный вуз. И он пошел сразу в театр. Пошел, движимый желанием стать... режиссером. Но дали

одну роль, другую. Началось странное по провинциальным театрам.

— Я проходил театральную школу в провинции. Там меня научили работать. Может быть, это вообще главное умение, которое должен обрести молодой человек. В провинциальных театрах есть актеры с таким талантом, который многим столичным и не снился. Мне повезло: у меня были замечательные учителя. Народная артистка СССР Лидия Владимировна Мосолова — она и сейчас ведущая актриса Пермского драматического театра — и ее муж Виктор Алексеевич Виноградов. Лидия Владимировна была жестким педагогом, даже жестоким подчас. Она умела поставить планку очень высоко, ученик мог ее и не преодолеть, но зато какой замах был! Знаете, как нас иногда оценивают? «Неплохо сыграл, неплохо, но хуже такого-то».